

кровапролитие вызывает здесь цепную реакцию, и по закону кровной мести за оружие берутся те, кто еще вчера оставался в стороне от борьбы. Соппротивление нарастает со скоростью горной лавины. Этого не учли политики, принимавшие решение о вводе советских войск в Афганистан, какими бы причинами они ни руководствовались. А вот Амин, глава режима, свергнутого при участии спецподразделения «Альфа», более адекватно оценивал обстановку в стране и в ответ на критику в свой адрес со стороны советских советников по поводу того, как же можно бомбить и уничтожать целые племена, говорил: «Вы не знаете наш народ! Если какое-то племя взялось за оружие, оно его уже не сложит. Единственный выход – всех уничтожить от мала до велика! Такие у нас традиции»²⁹.

Кроме того, среди пуштунских племен широко распространено наемничество, которое считается очень почетной и хорошо оплачиваемой профессией. По решению старейшин племени «лашкара» может выступить на стороне любого, кто обратится за помощью или заплатит за военную поддержку. И мотив выгоды имеет не меньшее значение, чем политический или религиозный. Так, голова советского офицера оценивалась в 300 тысяч афгани (точная цена колебалась в зависимости от звания), а урожай со среднего крестьянского надела стоил всего 50 тысяч³⁰. Стоит ли удивляться, что даже «мирные дехкане», не состоявшие в отрядах оппозиции, днем обрабатывали свой клочок земли, а ночью выходили на промысел совсем иного рода? И советские солдаты знали, что гадость можно ждать от каждого, будь то старик, женщина или ребенок. Как не было в Афганистане линии фронта, так не было и границы между «мирным» и «немирным» населением, то охотно принимающим продовольственную и иную помощь, то ставящим мины на пути везущих ее колонн. Недаром враг назывался «духом»: он действительно был невидим, неслышим, неуязвим, появляясь в самых неожиданных местах и так же внезапно исчезая, – то растворяясь среди жителей кишлака, то спускаясь в «подземную страну» – «киризы», то уходя по тайным тропам в горные ущелья³¹. И ощущение себя как инородного тела в этой непонятной, враждебной стране испытывали все советские воины, оказавшиеся «за речкой».

«Кто здесь суннит? Где здесь шиит?
Что по утрам мулла мычит?
А где здесь «хальк», а где «парчам»?
Ответь, ободранный бача!
Кто здесь дехканин? Кто – душман?
Ты как кроссворд, Афганистан!
Мы в вихре классовой борьбы...
И не сюды, и не туды!»³² –

написал офицер-десантник В. Иванов, очень точно отразив самоощущение «ограниченного контингента» среди всех хитросплетений и противоречий афганского общества. И возникал закономерный вопрос: «Зачем мы здесь?».

Постепенно приходило понимание того, что этот мир живет по особым законам и нужно оставить его в покое, дать возможность решить все проблемы самостоятельно, не влезая «в чужой монастырь со своим уставом». «Конечно, прочесывая кишлаки, не чувствуешь себя героем, – вспоминает А. Шатров, – тебя охватывают противоречивые мысли... Думаешь о людях, которые здесь живут. У них свои традиции и обычаи, как у нас в старинных селах на Севере. И вот появились мы, как инопланетяне. Что они думают о нас? Что говорят между собой? Нехорошо как-то...»³³. Да и афганцы заявляли вполне откровенно: «Уходи, шурави. Мы сами разберемся. Это наши дела».

А дела эти представлялись советским солдатам довольно странными. Например, когда пленные душманы, взятые с оружием в руках и переданные в ХАД (службу госбезопасности Афганистана), очень скоро оказывались бойцами царандоя (народной милиции) или откупленные родственниками возвращались обратно в банду³⁴. Многие неоднократно «кочевали» с одной стороны на другую, в зависимости от конкретной обстановки, интересов личных или своего клана и даже от времени года: «Вот станет теплее, опять подадимся в горы...»³⁵. Или когда правительственные